

Шамиль. ИМАМ ДАГЕСТАНА И ЧЕЧНИ

В истории России Кавказская война занимает особое место. Прежде всего, потому, что это была самая продолжительная и самая напряженная её война, практически на столетие определившая развитие политических процессов в регионе, народов Кавказа и самой Российской империи.

Как и любое эпохальное событие, Кавказская война, явила целую плеяду выдающихся личностей. Одно из наиболее знаковых имён, связанных с кавказскими событиями, пришедшимися почти на всё

XIX столетие, – имя человека, которому суждено было стать символом Кавказской войны. Это Шамиль – третий имам Дагестана и Чечни – ученый и богослов, воин и военачальник, лидер повстанческого движения на Северном Кавказе 30–50-х годов XIX столетия. На протяжении более четверти века он руководил вооружённым сопротивлением горцев в рамках Кавказской войны, и он же фактически его завершил, создав условия для дальнейшего «замирения горцев» и вовлечения их в общероссийское политическое пространство, на службу России.

Выдающееся личное геройство, находчивость, смелость и другие качества окружили имя Шамиля ореолом народных легенд. Как человек, отличавшийся умом и природными дарованиями, Шамиль обладал военным талантом, большими организа-

торскими способностями, выдержкой, настойчивостью, умением выбирать время для решительных действий. Именно поэтому Шамиль оказался не только военным, но и политическим и духовным руководителем движения сопротивления. И именно ему удалось реализовать главную цель движения повстанцев – создать теократическое государственное образование, которое вошло в историю как имамат Шамиля. Ему же в конечном итоге предстояло фактически завершить антироссийское вооружённое сопротивление и вверить народы Кавказа России и её верховной военно-политической власти.

С момента прекращения антироссийского вооружённого сопротивления горцев под управлением Шамиля и завершилась Кавказская война, по крайней мере, её наиболее активная фаза, получившая название в дореволюционных источниках – «замирение горцев». Тот факт, что именно Шамиль прекратил вооружённое сопротивление, длившееся на протяжении десятилетий и истощавшее ресурсы и России, и Кавказа, определяет его историческую роль и значение в истории Кавказа, и России, Кавказа в составе России.

Конечно же, Шамиль не был изначально патриотом России, он был патриотом Кавказа. Более того, на протяжении длительного периода своей жизни Шамиль был противником России и воевал с ней. Патриотом России он стал в заключительный период своей жизни, после прекращения им вооружённого сопротивления и дальнейшего проживания в условиях почётного плена и, наконец, принятия им российского подданства – торжественной присяги на верность императору и России в целом.

В значительной мере это стало следствием того уважительного отношения к нему со стороны как высшего военно-политического руководства Российской империи, так и в целом российского общества. Россия своим уважительным отношением к Шамилю, почитавшим его горцам, и ко всему Кавказу сделала своего противника своим другом.

Шамиль не только сам присягнул на верность России, но и призвал соотечественников последовать его примеру. Его присяга на верность России имела огромное символизирующее значение для народов Кавказа.

Сам же Кавказ с того времени, по образному выражению одного из участников Кавказской войны генерала Р. Фадеева, для России стал «и мостом, переброшенным с русского берега в сердце азиатского материка, и стеной, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовым укреплением, защищающим оба моря: Чёрное и Каспийское»¹²⁸. В этом тоже очевидно была заслуга и Шамиля.

Днём рождения будущего имама Дагестана и Чечни и фактического правителя большей части Северного Кавказа считается 26 июня 1797 года. Его отец, уздень¹²⁹ Денгав Магомед, кузнец аварского аула Гимры, происходил из рода Мадайлал известного и старинного в Гимри и за его пределами. Родоначальником рода Мадайлал был Мадай-кузнец, также бывший одним из основателей аула Гимры. Мать имама Шамиля Баху-Меседа родилась в аварском селе Ашильта, отцом её был знатный Пирбудах-бек.

По мусульманскому летосчислению днём его рождения был 1-й день месяца мухаррама и Нового 1212 года. Во время благодарственной молитвы, по свидетельству дагестанских историков, по поводу столь важного в жизни каждой семьи события дед младенца, согласно мусульманскому обычаю, прошептал ему на ухо имя, звучавшее как Али¹³⁰. Впрочем, радость по поводу прихода в жизнь нового человека оказалась недолгой – младенец был столь слаб и хил, что все сходилось к тому, что среди живых он долго не задержится.

Согласно преданиям, когда жизнь маленького Али уже висела на волоске, в небе над аулом появился белый орел, о котором все знали, но которого никто никогда не видел. Орел долго кружил над селением, потом вдруг кинулся вниз и тотчас же взмыл обратно в небо, унося в когтях змею, пойманную им рядом с домом родителей Али.

¹²⁸ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 11.

¹²⁹ Уздень – под этим словом на Кавказе связываются два различных понятия. В Дагестане под узденями разумеется обширное сословие свободных людей, поселян, живших или самостоятельными сельскими общинами, или находившихся в подчинении различных владетелей на правах подданства. См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/

¹³⁰ Романов В. Третий имам. <https://www.liveinternet.ru/users/stewardess0202/post405023238/>

Это было расценено знающими людьми как знак свыше, дающий надежду на выздоровление младенца. Но вот имя ему нужно было дать другое – ведь только тогда злые духи, пришедшие за душой ребёнка, будут обмануты и посрамлены. Новое имя, необычное и редкое для тех мест, было найдено, и сын кузнеца отныне стал Шамилем¹³¹. Народная магия оказалась эффективной – мальчик не только выжил, но уже скоро удивлял земляков здоровьем и физической силой.

Трудно сказать, насколько этот рассказ достоверен, по всей видимости, он относится к категории легенд, но тем не менее легендарность описываемых событий в значительной мере опирается на реальные факты.

Так или иначе, но получив новое имя, Шамиль вскоре поправился, начал поражать всех окружающих своим здоровьем, силой и энергией. В детстве он отличался живым характером и подвижностью. В подростковом возрасте он настолько закалил свой организм, что в любую погоду, даже зимой, появлялся с открытой грудью и босиком. Также в воспоминаниях современников, он был очень спортивным ребенком, увлекался гимнастикой, например, мало кто мог его догнать на бегу. Многие отмечали его силу, отвагу, увлечения фехтованием и пристрастие к холодному оружию, особенно к популярным на Кавказе шашкам и кинжалам¹³².

Тогда же, в детстве стал проявляться и характер Шамяля. Он был любознательным, живым мальчиком с гордым, непреклонным и властолюбивым характером.

И все же наряду со всем тем, что было свойственно характеру Шамяля, главной его чертой была жажда знаний и стремление к духовному совершенству. Его первым наставником считается друг детства Адиль-Мухаммад (Гази-Мухаммед, Кази-мулла), который также родился в ауле Гимры.

Предполагается, что Шамиль и Гази-Мухаммед были не только друзьями и соседями, но и родственниками. Вместе с Гази-Мухаммедом он начал получать исламское образование у раз-

¹³¹ Романов В. Третий имам. Шамиль // Вокруг света. 2003. № 6. С. 186–194.

¹³² Шамиль на Кавказе и в России // Биографический очерк / сост. М.Н. Чичагова. Репринтное воспроизведение издания 1889 года. М.: Русская книга, 1995. С. 16.

личных дагестанских алимов¹³³. Так, в частности, в двенадцать Шамиль стал проходить обучение в Унцукуле под руководством шейха Джамалуддина Казикумухского.

Зрелой личностью, знавшей Священное Писание мусульман, грамматику, риторику, логику, арабский язык вместе с основами законовещения и философии, Шамиль стал к 20 годам. К этому времени он освоил грамматику, риторику, логику, юриспруденцию, арабский язык, философию, что для горских народов первой половины XIX века считалось очень высоким уровнем образованности.

Очевидно, что в другую эпоху Шамиль мог бы стать знаменитым исламским теологом. Но обстоятельства сложились так, что он вошёл в историю как лидер религиозного государства на территории Дагестана и Чечни – Северокавказского имамата. Его истоками стало зародившееся в начале 20-х годов XIX столетия на территории Северного Кавказа новое мусульманское течение «мюридизм», быстро распространившееся в Дагестане и Чечне, вовлекшее в ряды своих сторонников пассионарных горцев.

На арабском языке имам – тот, кто руководит молитвой, а мюрид – последователь, ученик. В ходе Кавказской войны для местных мусульман оба слова обрели дополнительные значения. Имам стал лидером имамата – государства, живущего по нормам шариата (свода ключевых правил, основанных на Коране), а мюрид – воином, готовым сражаться за веру, а не за интересы отдельного властителя или своего рода. Сложившуюся систему ценностей стали называть мюридизм.

В 1823 году мюридистское движение призывом своего идеолога Мухаммеда из аула Яраги объявило священную войну не только России, но и всем тем, кто не поддерживал мюридов в их антироссийском вооруженном сопротивлении. Идеями мюридизма проникся и сам Шамиль. Его первым наставником в этом отношении стал друг детства Гази-Мухаммед (часто его называли еще и Кази-мулла), провозглашенный имамом Дагестана и Чечни.

¹³³ Алим – собирательное название признанных и авторитетных знатоков теоретических и практических сторон ислама. Со временем стало уважительным прозвищем.

В 1829 году Гази-Мухаммеду удалось поднять на газават значительную часть населения Дагестана. При этом Гази-Мухаммед понимал, что победить Россию в открытом противостоянии невозможно без консолидации и вовлечения в борьбу против неё всех или большинства горских народов. Поэтому первые его военно-политические акции были направлены не против России, а на повсеместное и нередко насильственное распространение норм шариата среди горцев как важнейшего идеологического фактора антироссийского вооруженного восстания¹³⁴. Именно таким, военно-силовым, образом шло, например, распространение шариата в Аварском и Мехтулинском ханствах, Андийском и Гумбетовском обществах, ряде других территориальных образований Дагестана.

В мае 1830 года с 8-тысячным отрядом мюридов Гази-Мухаммед сделал первую (неудачную) попытку захватить столицу Аварии – аул Хунзах. Оборону Хунзаха возглавила ханша Пакубике. Именно от нее мюриды во главе с Гази-Мухаммедом потерпели поражение. Большого оскорбления на Кавказе нанести новоявленному имаму было невозможно. Поэтому сразу же после неудачной осады Хунзаха большинство мюридов, разочаровавшись в имаме и в идеях, им проповедуемых, покинуло движение.

После хунзахских событий военный министр России А.И. Чернышёв доложил Николаю I об обстановке в Дагестане. По итогам доклада император отдал военному ведомству и лично главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом¹³⁵ И.Ф. Паскевичу секретные распоряжения относительно движения Гази-Мухаммеда. По мнению Николая I, военное подавление движения мюридов необходимо было включить в общий план покорения горцев. Вместе с тем российский император понимал, что широкомасштабные карательные меры на Северном Кавказе способны вызвать всеобщее недовольство местного населения и подъём движения Гази-Мухаммеда. Поэтому

¹³⁴ Бочарников И.В. Кавказская война России XIX века: её истоки, ход и результаты // Вестник Академии военных наук. 2004. № 4. С. 169.

¹³⁵ Название Отдельного Кавказского корпуса (ОКК) применялось для обозначения всех русских войск на Кавказе в период Кавказской войны. – *Примеч. авт.*

в своём секретном распоряжении он поручил главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом объявить горцам, что российское правительство гарантирует им полную веротерпимость и свободу вероисповедания в настоящем и будущем, а также «внутреннее благоустройство с сохранением всех их выгод и преимуществ». Иначе говоря, Николай I доводил до горцев Северного Кавказа свой главный политический принцип, согласно которому он не только «строго и неизбежно наказывает восстающих против его власти и умеет усмирять нарушителей своих обязанностей», но и решает мирным путём вопросы «благоустройства» горцев¹³⁶.

Такой подход нанёс ощутимый удар по мюридистскому движению и ещё больше увеличил отток его участников, поскольку на некоторое время у горцев была подорвана вера в необходимость дальнейшей вооружённой борьбы с Россией. С Гази-Мухаммедом остались лишь жители его родного аула Гимры, а представители других «вольных» обществ фактически покинули имама. Вскоре проблематичной для имама стала и поддержка со стороны гимринцев, поскольку непосредственно в Гимры был направлен отряд барона Г.В. Розена, угрожавшего репрессиями восставшему местному населению. Из Гимры барону выслали старшин, которые принесли присягу на верность России. Тем самым, как посчитал Г.В. Розен, источник восстания был ликвидирован. Об этом и было доложено в Петербург, а отряд был возвращён на зимние квартиры в район Владикавказа.

Русское кавказское военное командование в лице генерала Г.В. Розена, таким образом, проявило удивительное легкоеверие и неадекватно отреагировало на достаточно распространённый в тот период тактический приём мюридов – лицемерное проявление покорности. Капитан Генерального штаба Д.А. Милютин по этому поводу писал, что «тут не было ничего другого, кроме коварного средства, употребляемого горцами в крайности, чтоб только избавиться от бедствий войны, ибо, не придавая никакой цены вынужденной присяге перед неверными, они готовы были

¹³⁶ Бочарников И.В. Указ. соч.

снова к враждебным действиям, лишь только отряд наш остав-
лял горы»¹³⁷.

Именно это в конечном итоге и произошло. Возвращение от-
ряда Г.В. Розена на зимние квартиры во Владикавказ было ис-
толковано не иначе, как проявление слабости России. И поэтому
Гази-Мухаммеду достаточно легко удалось убедить мюридов в
том, что барон Г.В. Розен не вступил в Гимры только лишь из-за
страха и что им теперь «нечего бояться русской славы и долж-
но идти на них смело». При этом имам уже указывал на Тарки
и Андреевскую деревню как на новые направления дальнейших
военно-политических действий.

В 1831 году Гази-Мухаммед одерживает первую значимую
победу в Дагестане, захватив столицу его ведущего государствен-
ного образования г. Тарки. В последующем он осадил крепости
Бурную и Внезапную, а затем взял и Дербент. Бои разгорелись
также в Чечне, на подступах к крепости Грозная и к Владикавказу.

Штурм аула Гимры. Художник Ф. Рубо

¹³⁷ Милютин Д.А. Краткая записка о Кавказских делах и желаемом образе действий в этом крае // Известия императорской Николаевской военной академии. № 43, июль 1913.

Только лишь в конце 1831 года, т.е. на исходе второго года активной военно-политической деятельности Гази-Мухаммеда, когда под мюридами был уже фактически весь Северный Дагестан и Северо-Западный Кавказ, военно-политическое руководство России осознало всю опасность их деятельности и попыталось предпринять радикальные меры по подавлению восстания. С этой целью ставший к тому времени главнокомандующим Кавказским корпусом генерал Г.В. Розен вновь предпринял поход в Чечню и Дагестан, население которых принудил прекратить сопротивление. Гази-Мухаммед под натиском российских войск отошёл в горы и там, в первом крупном сражении в районе его родного аула Гимры, потерпел поражение и сам погиб в бою. Тяжёлое ранение в том же бою получил и ближайший сподвижник Гази-Мухаммеда – Шамиль.

Поражение в районе аула Гимры нанесло чувствительный удар по мюридизму. Горцы стали покидать движение, оказавшееся к тому же и обезглавленным. Последующие два года отличались относительной стабильностью в регионе, вплоть до провозглашения новым имамом Гамзат-бека, который, обратившись к местным обществам с воззванием, обещая «богатую добычу и славу будущим участникам» его походов, фактически продолжил деятельность Гази-Мухаммеда. Свои экспансионистские мероприятия Гамзат-бек также начал с Хунзаха, покорить который в своё время не удалось его предшественнику. Столица Аварского ханства, таким образом, становилась не только крепостью, которой необходимо было овладеть с точки зрения военной целесообразности, но и символом возрождения мюридизма. Под Хунзахом решалась дальнейшая судьба и восстания и в целом мюридистского движения.

Подойдя в 1834 г. с 10-тысячным войском к Хунзаху, Гамзат-бек предъявил ультимативные требования – установление в ханстве шариата и участие в походах против русских. Ханша соглашалась на распространение шариата, но отвергла совместные военные походы на русские города и «русскую линию»¹³⁸.

¹³⁸ Бочарников И.В. Указ. соч.

Защитники Хунзаха в конечном итоге потерпели поражение. Но для второго имама победа над защитниками столицы Аварского ханства оказалась пирровой. Казнь аварской ханши Пакубике, убийство её сына и, наконец, провозглашение Гамзат-беком самого себя аварским ханом вызвало отторжение у многих горцев и предопределило его судьбу. В результате заговора во главе с легендарным Хаджи-Муратом Гамзат-бек был убит в хунзахской мечети 19 сентября 1834 года.

После его смерти, 24 сентября 1834 года, движение горцев возглавил новый (третий) имам Шамиль, который, в отличие от своих предшественников, обладал качествами не только духовного (как Гази-Мухаммед) и военного (как Гамзат-бек) вождя, но и соединил в себе оба эти качества. Более того, Шамиль был высокоодаренным и образованным человеком, обладал качествами государственного деятеля. Все это свидетельствовало, по крайней мере, о том, что с этого периода России противостоял умный, грамотный, решительный и стойкий руководитель восставших горцев.

*Имам Шамиль на Кавказе.
 Художник Р.-К. Зоммер*

Именно ему удалось реализовать главную цель движения мюридов – создать теократическое государственное образование, которое вошло в историю как имамат Шамиля.

Для управления обширной территорией в имамате была проведена административная реформа, заключавшаяся в разделении его на отдельные области. Во главе этих провинций лично Шамилем назначались его наместники (наибы) из наиболее преданных и близких ему соратников. Таким образом, в имамате формировалась новая знать, по своим качественным характеристикам соответствовавшая в полной мере военной аристократии. Каждый наиб обладал практически неограниченной властью, не только военной и политической, но и судебной. Он мог даже смещать или назначать кадиев (судей). Безграничная власть наибов предполагала их безоговорочное подчинение имаму как в военных, так и в административных делах. «В горском обществе-войске, пропитанном духом войны, они были одновременно и генералами, и губернаторами. Главной рекомендацией для получения этой должности являлись личная преданность Шамилю, соблюдение норм шариата, полководческие и организаторские способности, отвага. Социальное происхождение при этом не имело значения, поскольку подразумевалось, что перед аллахом все равны»¹³⁹.

Центральный административный аппарат имамата составляли канцелярия Шамиля и верховный совет. Канцелярия включала в себя наместника (заместителя имама), судью (кадия), писаря-секретаря, казначея, переводчика, трёх чиновников (назыров), один из которых ведал вопросами снаряжения и снабжения армии, другой – общественным скотом, третий – общественным хлебом. Верховный совет состоял из шести постоянных членов под председательством Шамиля, ему же принадлежал и решающий голос в совете, особенно по военным вопросам¹⁴⁰.

Созданный им имамат стал невиданным ранее для здешних народов институтом власти, поддерживаемым и укрепляемым неуклонно и повсеместно.

¹³⁹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М.: Росет, 1994. С. 386.

¹⁴⁰ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 387–388.

Имамат представлял собой не только совокупность этно-территориальных образований Кавказа. По существу это было государство-войско, аналогом которого являлись европейские рыцарские ордена в Средневековье. На протяжении всей Кавказской войны имамат представлял собой единый военный лагерь, ориентированный на войну с Россией. Шамилем была проведена мобилизация всего боеспособного населения подконтрольных мюридам районов Чечни и Горного Дагестана. Всё мужское население в возрасте от 15 до 50 лет обязано было нести военную службу. Вооружённые отряды мюридов были сформированы в тысячи, сотни и десятки. Ядром армии Шамиля стала лёгкая конница, главную часть которой составляли так называемые муртазеки (конные бойцы). Каждые 10 дворов Шамиль обязал выставить одного конного бойца. В селениях, подконтрольных имамату, было налажено изготовление артиллерийских орудий, пуль, пороха.

Таким образом, сформировавшееся государство мюридов – имамат Шамиля, мобилизовав все экономические, политические и военные ресурсы региона, вполне способен был противостоять такой военной державе, как Россия, но лишь в том случае, если бы речь шла об обороне подвластной территории. Распространение же шариата и утверждение власти имама требовали активных военных акций и продолжение газавата – главного лозунга, выведенного на знамени мюридизма. Именно с этого периода начинается наиболее напряжённый период в Кавказской войне, а сама Кавказская война приняла качественно иное содержание. Поэтому неслучайно большинство исследователей Кавказской войны именно с периодом Шамиля и связывают основные события вооружённого противостояния горцев Дагестана и Чечни политике России на Кавказе¹⁴¹.

Уже в ноябре 1834 г. Шамиль вступил в военные действия с русским отрядом, занявшим аул Гимры – селение, где он родился. Малозначительный конфликт закончился тем, что русский отряд под командованием генерала Ланского не выдержал натиска мюридов и покинул Гимры. Поражение русского отряда значительно

¹⁴¹ Бочарников И.В. Кавказ в истории России. М.: Инфра-М, 2021.

подняло авторитет Шамиля в глазах горцев. Последующее развитие военно-политической обстановки в регионе можно охарактеризовать как состояние своеобразного вооружённого нейтралитета между русскими войсками и вооружёнными формированиями мюридов.

Данное состояние (ни войны, ни мира) было выгодно, прежде всего, Шамилю, который последовательно и целенаправленно, не вступая в открытые боестолкновения с русскими войсками, осуществлял активную экспансию против внутренних районов Дагестана. Посредством насаждения шариата и власти имама, эта экспансия уже к 1836 г. привела к тому, что Шамиль подчинил себе все «вольные дагестанские общества» от Чечни до Аварии¹⁴².

Война с горцами, таким образом, принимала затяжной позиционный характер, при которой власть русской администрации распространялась только лишь на равнинные земли, Шамиля – в горах.

В конечном итоге к 1836 году Шамиль настолько почувствовал свои силу и значимость, что решил на равных вступить в переговоры с представителями русского командования на Кавказе. В результате переговоров было достигнуто соглашение о перемирии. Русское командование расценило это соглашение как большой успех. Главнокомандующий Кавказским корпусом генерал Г.В. Розен представил в своём рапорте в Петербург данное соглашение как окончательную капитуляцию Шамиля.

Сам же Шамиль расценивал соглашение исключительно как свою победу, поскольку, договариваясь с кавказским командованием, он выступал уже в качестве самостоятельного владельца «горного царства», вступившего в официальные отношения с «соседним государством», в данном случае с Россией.

Русское командование, таким образом, само того не желая, узаконило власть Шамиля в Дагестане, возвысило его в глазах горцев и в значительной мере подорвало своё собственное влияние в регионе. Негативный аспект ещё более усилило намерение императора Николая I лично встретиться с Шамилем и его ближайшими сподвижниками для переговоров о «полной покорно-

¹⁴² Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 363.

сти» и прекращении войны в горах. Царское правительство планировало пойти на уступки имаму и отдать под его власть часть Дагестана с тем, чтобы завершить любой ценой затянувшийся вооружённый конфликт на Кавказе. Позиция эта была заведомо проигрышная, поскольку она ещё более укрепляла Шамиля в его стремлении к полному владычеству на Кавказе. И отказ Шамиля встретиться с царём достаточно откровенно свидетельствовал об этом¹⁴³.

В 1837 году период временного затишья закончился. Вновь в Чечне и в Северном Дагестане развернулись боевые действия, начавшиеся с занятием в 1837 году отрядом генерала К.К. Фези аулов Хунзах, Унцукуль и части аула Тилитль. Из-за больших потерь и недостатка продовольствия русский отряд оказался в тяжёлом положении, и 3 июля 1837 года генерал К.К. Фези вновь заключил с Шамилем перемирие, которое также оказалось непродолжительным. Уже в следующем 1838 году Шамиль вновь развернул активные военные действия в Дагестане и Чечне, и к концу 1839 года в результате интенсивной экспансии ему уже подчинялись значительные территории в Северном Дагестане и часть Чечни.

Затянувшийся конфликт на Кавказе не только отвлекал на себя значительную часть экономических, политических и военных ресурсов государства, но и всё больше становился международной проблемой России. Особую значимость кавказский вопрос приобрёл в этот период во взаимоотношениях России с Великобританией, которая, с одной стороны, требовала, чтобы южная граница Российской империи проходила по Тереку, а с другой – продекларировала своё стремление к созданию на Северном Кавказе независимого государства – Черкессии под британским протекторатом¹⁴⁴.

Осознав всю значимость кавказской проблемы, а также бесперспективность политического урегулирования конфликта, правительство Николая I решилось в 1839 году на проведение крупномасштабной военной операции против мюридов с тем, чтобы

¹⁴³ Бочарников И.В. Кавказ в истории России. М.: Инфра-М, 2021.

¹⁴⁴ Там же.

нанести сокрушительное поражение имаму. С этой целью было предпринято двухстороннее наступление на подконтрольные ему территории. На правом фланге десантный отряд генерала Н.Н. Раевского возвёл ряд укреплений на Черноморском побережье. На левом фланге действовали Дагестанский отряд генерала Е.К. Головина и Чеченский – графа П.Х. Граббе.

20 апреля отряд генерала Е.К. Головина после упорного боя занял Аргун. Постепенно русские войска вытесняли горцев, и уже к лету 1839 года последние были загнаны в горы, отрезаны от своих равнинных, продовольственных районов и обречены на изолированное полугодовое существование.

Штурм аула Ахульго. Художник Ф. Рубо

В распоряжении Шамиля оставалось только одно укрепленное убежище – аул Ахульго. В этой крепости он был заперт войсками генерала П.Х. Граббе, которому, по словам М.Н. Покровского, «помогала вся конница Дагестана, т.е. дружины враж-

дебных Шамилю ханов и беков»¹⁴⁵. После 80-дневной осады резиденция Шамиля 22 августа 1839 года была взята, сам он с семьёю мюридами едва спасся. В России торжествовали победу, но через восемь месяцев имам вновь объявился среди верных ему мюридов, а через полтора года он вновь стал «полновластным повелителем всего восточного Кавказа»¹⁴⁶.

Поворотным пунктом в этом плане явилось восстание в Чечне, поводом для которого послужило введение кавказским командованием военно-административного управления для Чечни и Северного Дагестана. Как показал дальнейший ход событий, это решение было неверным и вредным по своим последствиям. Стремление как можно скорее поставить под контроль России горцев, у которых ещё свежа была память о владычестве имама, сыграло дестабилизирующую роль. Вся Чечня была наполнена слухами «о намерениях (русской кавказской) администрации обратить всё население в рабство». Особым поводом для восстания явилось решение о разоружении населения. Вспоминая об этих событиях, Шамиль отмечал: «Я не без удовлетворения следил за попытками разоружить чеченцев и ожидал в любой момент восстания в Чечне»¹⁴⁷. Чеченцы рассматривали насильственное изъятие оружия как страшное унижение, восстали и обратились за помощью к имаму.

Таким образом, достигнутый успех военной кампании в Дагестане был сведён на нет ошибками в административном управлении. Вместо того чтобы привлечь население районов, находившихся под властью имама, кавказское командование силовыми методами решило насаждать неприемлемый для горцев порядок управления. Это сыграло решающую роль в продолжении вооружённого противостояния в регионе и восстановлении сил и влияния Шамиля.

Последующее пятилетие стало периодом самых больших военных успехов Шамиля.

¹⁴⁵ Покровский М.Н. Дипломатия и войны России в XIX веке. М.: Красная Новь, 1923. С. 224.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. URL http://militera.lib.ru/research/gammer_m/index.html

**Портрет Шамиля.
Литография.
Художник В. Тимм**

Важнейшим событием этого периода войны стало сражение у реки Валерик, в результате которого Шамилю вновь было нанесено поражение и русские войска заняли Чечню. Однако окончательной победы достигнуто не было, и в целом операции на Северо-Восточном Кавказе велись с переменным успехом. Горная местность совершенно не благоприятствовала действиям крупных масс войск и их обозов.

Имамат же Шамиля, напротив, укреплялся в военно-политическом отношении, и уже с 1842 года горцы активизируют свою деятельность, нанося ощутимые поражения набегам мелкими партиями крупным

воинским контингентам, нарушая коммуникации между ними. Более того, с начала 1843 года они в полной мере перешли к наступательным действиям, и в итоге к лету того же года все русские укрепления в Дагестане и Чечне были разрушены и взяты, часть гарнизонов была истреблена, часть попала в плен. Связь между северным и южным Дагестаном была нарушена.

Военные успехи Шамиля оказали значительное влияние на население региона, подняв на борьбу с Россией целый ряд общин. Так, по свидетельству А.А. Керсновского, «весь Восточный Кавказ вспыхнул как порох. Авария была потеряна»¹⁴⁸. До 700 русских солдат и офицеров и десять русских орудий оказались в руках горцев. Сам командующий русскими войсками в Дагестане Ф.К. Клюки фон Клюгенау был заперт в Хунзахе и с большим трудом был освобождён отрядом князя Аргутинско-

¹⁴⁸ Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1993. Т. 2. С. 97.

го¹⁴⁹. Обращает на себя внимание в этом плане тактика, избранная Шамилем против крупных воинских соединений: не биться лоб в лоб, а заманивать вглубь, в горы. В результате бесславно заканчивались в рассматриваемый период практически все направляющиеся против горцев военные экспедиции.

Становилось всё более очевидным, что война с горцами принимает иной характер. Речь шла о новой для Русской армии по форме, но старой по содержанию партизанской войне, где вместо наступления используется просачивание, где победа достигается распылением и истощением сил противника, а не его уничтожением.

В конечном итоге Николай I начинал осознавать, что трудные проблемы Кавказа требуют новых подходов и решать их должны наиболее одарённые, компетентные и авторитетные военачальники и администраторы с широкими полномочиями. Поэтому в 1845 году он назначил своим наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказским корпусом умного, решительного и пользовавшегося большим авторитетом в Русской армии генерала М.С. Воронцова, предоставив ему по существу неограниченную власть в гражданских и военных делах.

В то же время император не расставался со своим убеждением, что Шамиля можно разбить одним ударом, если для этого удачно выбрать место и время. Как следовало из предначертанного им плана кампании 1845 года, главным шагом к подрыву господства имама должен быть захват «центра его владычества». Николай I, таким образом, игнорировал уроки всех прошлых военных кампаний на Кавказе, свидетельствовавшие о том, что взятие резиденции Шамиля ничего не давало, поскольку любой малодоступный аул мог стать новым «центром его владычества»¹⁵⁰.

М.С. Воронцов, находившийся в курсе событий на Кавказе, считал необходимым коренное изменение тактики действий войск Кавказского корпуса. Это мнение окрепло в нём после бесед с А.П. Ермоловым, к которому он специально заехал

¹⁴⁹ Покровский М.Н. Указ. соч. С. 224.

¹⁵⁰ Блиев М.М., Дегоев В.В. Указ. соч. С. 481

в Москву перед отбытием к месту назначения. А.П. Ермолов находил порочной существовавшую систему боевых действий на Кавказе, при которой русские войска ежегодно проводили наступательные кампании в соответствии с заранее намеченными (часто Петербургом) целями, наносили поражения мюридам, захватывали аулы, приводили горцев к присяге, чтобы затем опять вернуться на свои опорные базы, малочисленные, отдалённые друг от друга, соединённые уязвимыми коммуникациями. Внешне казавшиеся успешными, эти экспедиции на самом деле были почти безрезультатными: после ухода русских власть Шамиля тут же восстанавливалась. Добиваясь тактических успехов в ряде операций, русское командование тем не менее проигрывало в главном: оно постепенно всё больше утрачивало контроль над большей частью региона. Поэтому А.П. Ермолов предлагал отказаться от бесплодных сезонных кампаний и перейти к планомерной целенаправленной стратегии, предусматривавшей прорубку лесов, строительство широкой сети крепостей и дорог между ними, постепенное, методичное продвижение вглубь Дагестана и прочное закрепление на новых территориях. Рассчитанная на длительную перспективу, она не сулила немедленного успеха и требовала терпения, которого в Петербурге не всегда хватало. М.С. Воронцов был в принципе согласен с А.П. Ермоловым, но тем не менее был вынужден выполнять предначертанный императором план заставить Шамиля сражаться по общеевропейским канонам военного искусства и принять генеральное сражение. Понадобилась кровавая даргинская драма, чтобы эти иллюзии Николая I рассеялись окончательно, после чего император уже не вмешивался в руководство военной кампанией на Кавказе.

Даргинская операция занимает особое место в истории Кавказской войны, поскольку именно она оказала решающее влияние на последующий ход вооружённого противоборства в регионе.

В начале лета 1845 года, выполняя указание Николая I, Воронцов во главе Дагестанского и Чеченского отрядов (около 10 тыс. солдат) начал наступление на аул Дарго – резиденцию имама. Шамиль отступал с оборонительными боями, заманивая противника за собой, и возле высокогорного аула Анди произошло ожесточён-

ное сражение, в котором участвовало до 6 тыс. мюридов. Русскими войсками аул был взят, но никакого преимущества это не давало, поскольку Шамиль, предполагая такой исход, ещё накануне сжег близлежащие селения, а жителей увел с собой.

Понимая всю бесперспективность дальнейшей операции, М.С. Воронцов решил штурмовать Дарго, который теперь стал символом победы, чем реальным стратегическим пунктом. Овладев с боями перевалом на подступах к резиденции имама, русские войска спустились в Дарго, но достигнутая цель оказалась ловушкой, блестяще подготовленной имамом. Разрушенный аул, покинутый жителями, представлял собой прекрасную мишень для артиллерийского и ружейного обстрела с окружающих его возвышенностей, с которых русские войска и начали методично расстреливаться. Шамиль наглядно продемонстрировал талант стратега горной войны. Отрезанный от своих баз и практически полностью лишённый поддержки, отряд М.С. Воронцова вынужден был с боями прорываться из Дарго. Речь при этом шла уже не о сопротивлении мюридам, а о прорыве любой ценой. Более трети численности отряда потеряли русские войска в ходе этой операции, явившейся ценой за амбиции петербургских стратегов и их непонимание характера и специфики войны на Кавказе.

Для русского командования поход в Дарго был тяжелейшим уроком и последней данью прежней стратегической системе, бесполезной и пагубной в условиях войны на Кавказе. Даргинский поход многому научил и самого генерала М.С. Воронцова. Наместник императора на Кавказе понял, что путь к победе ведёт только через медленную войну, постепенное закрепление за собой отвоеванных земель, строительство укреплённых поселений и вырубку лесов. Получив свободу действий, М.С. Воронцов приступил к стратегии медленного, но верного продвижения вглубь Дагестана и Чечни. Прежде всего, он считал необходимым окружить территорию имамата с севера, запада и юга цепью укреплений. Особое значение придавалось прокладке дорог, соединявших все эти военные пункты в единую систему. Таким образом, М.С. Воронцовым была разработана и постепенно реализовыва-

лась комплексная блокада Шамиля в горных районах и отсечение его от равнинной Чечни.

«Новая система» Воронцова, таким образом, вынуждала Шамиля больше заботиться об оборонительных мероприятиях. С этого периода о северокавказском гегемонизме и политико-идеологической экспансии Шамиля за пределы имамата уже не могло быть и речи. Для него теперь остро встала проблема сохранения существующих границ имамата, справляться с которой становилось всё труднее и труднее, поскольку М.С. Воронцов настойчиво продолжал сжимать его территорию кольцом укреплений, а русские войска методично продвигались вперёд, занимали равнины, основывали новые форпосты, соединяли их дорогами, оттесняли мюридов в горы. Шамиль, запертый в горы, лишенный возможности к активному сопротивлению, вынужден был безучастно наблюдать за собственной блокадой.

Позднее Шамиль высоко оценил систему М.С. Воронцова, признав, что с 1845 года в стратегии войны Россия вышла на верный путь¹⁵¹. С этого времени, по мнению ряда историков Кавказской войны, «дела и предприятия Шамиля начинают быть безуспешными». Именно тогда М.С. Воронцовым и были заложены основы окончательной победы над имаматом, реализованной князем А.И. Барятинским в конце 50-х годов XIX столетия.

Не менее значимым условием победы явилось то обстоятельство, что командование Кавказским корпусом противопоставило партизанской тактике мюридов аналогичную тактику иррегулярных формирований Кавказского линейного казачьего войска. Тем самым было устранено ещё одно из важнейших преимуществ мюридов – их мобильность и возможность внезапного нападения. Кавказское казачество, начавшее осваивать территорию Северного Кавказа с середины XVI века, досконально изучило не только образ жизни горцев, но и тактику действий их вооружённых формирований. Поэтому в ходе борьбы с мюридами эффективно использовало свои знания и навыки в противопоставительной борьбе.

¹⁵¹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. С. 489.

Наконец, существенное значение имела деятельность милиционных частей, сформированных из местных жителей. Русское командование, таким образом, противопоставило горцам-мюридам, горцев, состоящих на службе России.

Кроме военной блокады, главнокомандующий Кавказским корпусом М.С. Воронцов широко применял политические средства, направленные на развитие пророссийской ориентации среди горцев. В этом заключался главный стратегический перевес Кавказского командования над имаматом Шамиля.

Первым наиболее значимым свидетельством этого стал бесславный поход Шамиля в 1846 году в Кабарду, обладание которой позволило бы ему обеспечить выход на Черноморское побережье. Шамиль был твёрдо уверен в том, что кабардинцы последуют за ним без всякого принуждения с его стороны. Но его ожидало разочарование. Кабардинцы отказались поддержать его в антироссийском движении. Аналогичный отказ присоединиться к мюридам Шамиль встретил и в Осетии. Учитывая малочисленность своих сил и, избегая встреч с регулярными русскими войсками, Шамиль предпочёл покинуть Кабарду и вернуться в Горный Дагестан. Постепенно имам перестал находить поддержку и в Чечне – главной продовольственной базе имамата, отторжение которой обрекало мюридистское движение на полуголодное существование. И тем более значимым ударом по имамату Шамиля явился отказ чеченских общин переселиться в горы. Чечня, таким образом, сделала свой выбор, выбор в пользу России.

К концу 40-х годов обозначились и другие кризисные явления в развитии имамата, свидетельствовавшие о начале его заката. Наместники (наибы) имама в Чечне, Горном Дагестане и в ряде других регионов Северного Кавказа, подконтрольных Шамилю, превратились в крупных феодалов и стали жестоко эксплуатировать подвластное население. Обострились также внутренние противоречия, выразившиеся в том, что основная социальная база имамата – крестьянство стало отходить от Шамиля. Чечня, по мнению М.Н. Покровского, поддержала Шамиля не для того, чтобы променять один деспотизм на другой. «Она готова была временно подчиниться военной диктатуре Шамиля, но для государства мю-

ридов с его своеобразной пуританской дисциплиной сравнительно зажиточная и мало склонная к аскетизму Чечня представляла плохую почву»¹⁵². Имамат начал рассыпаться изнутри. Шамиль сумел завоевать власть, но удержать её в течение длительного времени посредством жёсткой регламентации всех сфер жизнедеятельности горских народов он не смог.

В 1848 году войска Шамиля потеряли Гербегиль, в 1849 году они потерпели поражение при штурме Темир-Хан-Шуры и попытке прорыва в Кахетию. На Северо-Западном Кавказе в этот же период было подавлено выступление черкесских племён во главе с наместником Шамиля Мухаммед-Эмином. В 1852 году Большая и Малая Чечня были отторгнуты от Шамиля, что в значительной мере лишало его источников продовольствия. Русские войска прочно закрепились на границе Центрального и Приморского Дагестана, а укрепление Лезгинской линии ослабило позиции имама в Южном Дагестане. К 1853 году Шамиль оказался полностью блокирован в Горном Дагестане, а отход от него значительной части населения этого региона ещё более ослабил его позиции. Под властью Шамиля в Горном Дагестане оставались лишь несколько аулов, а численность мюридов не превышала 400 человек.

Сложилась ситуация, при которой можно было бы говорить о полном поражении имама и о завершении, таким образом, Кавказской войны. Этого, однако, не случилось, поскольку начавшаяся летом 1853 года русско-турецкая, ставшая впоследствии Крымской, война дала новый импульс вооружённой борьбе горцев против России.

Союзники по антироссийской коалиции и, прежде всего Британия и Турция, возлагали большие надежды на использование народов Кавказа против Русской армии, с тем чтобы нанести России максимально возможный ущерб и не позволить ей вывести из региона наиболее боеспособные воинские части Кавказского корпуса.

Наибольшие надежды союзники возлагали непосредственно на имамат Шамиля, как на основную военно-политическую силу,

¹⁵² Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. С. 224–225.

способную противостоять России на Северном Кавказе. О значимости данного военно-политического союза с горцами Дагестана и Чечни свидетельствует тот факт, что самому Шамилю после осады Тифлиса был присвоен титул генералиссимуса грузинских и черкесских войск и было также обещано по окончании Восточной (Крымской) войны присвоить титул короля закавказского¹⁵³. Между Шамилем и командовавшим турецким гарнизоном в Карсе английским генералом У. Уильямсом была установлена переписка, в ходе которой выражалось обоюдное стремление воевать с Россией и установить в ходе этой борьбы союзнические отношения¹⁵⁴. Имела место также переписка Шамиля с турецкими командующими, действовавшими на Кавказском театре военных действий: Ибрагим-пашой (в 1853 году) и Омер-пашой¹⁵⁵ (в 1854 году), а также с самим турецким султаном¹⁵⁶.

Крымская война подарила сторонникам Шамиля надежду, но обернулась для них разочарованием. Мюриды надеялись, что турецкая, а возможно, и англо-французская армии высадятся на Черноморском побережье и дойдут до Восточного Кавказа. В свою очередь, союзники ожидали, что сам Шамиль прорвёт русские кордоны и соединится с регулярной турецкой армией. Но ожидания участников антироссийской коалиции не оправдались. Отряды Шамиля смогли только совершить несколько набегов на Грузию, а турки не смогли оккупировать Закавказье.

В августе 1853 года Шамиль попытался прорвать Лезгинскую линию у селения Новые Закаталы, но вновь потерпел неудачу. В ноябре 1853 года турецкие войска были разбиты при Баткадыкларе, а попытки черкесов захватить Черноморскую и Лабинскую линии были отражены. Летом 1854 года турецкие войска перешли в наступление на Тифлис, одновременно отряды Шами-

¹⁵³ Из письма Джемал-Эддина барону Николаи. См.: Муравьев Н.Н. Война за Кавказом. Т. I. С. 372.

¹⁵⁴ Муравьев Н.Н. Война за Кавказом. Т. I. С. 372; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сборник документов) / под ред. Ш.В. Цагарешвили. Тбилиси, 1953.

¹⁵⁵ Омер-паша – турецкий генерал австрийского происхождения (до принятия ислама – Михаил Лагош). – *Примеч. авт.*

¹⁵⁶ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. С. 210–211.

ля, прорвав Лезгинскую линию, вторглись в Кахетию, захватили Цинандали, но были задержаны грузинским ополчением, а затем разбиты подошедшими русскими войсками. Это была последняя значительная военно-политическая акция Шамиля, после которой крупные вооружённые выступления им уже практически не предпринимались.

Единственным большим успехом Шамиля стал захват в Грузии знатных заложников из семьи Чавчавадзе. Это позволило обменять на них старшего сына Джамалуддина¹⁵⁷. Но сын Шамиля, к тому времени уже ставший поручиком Русской армии, оказался опасным приобретением, поскольку он не поддерживал вооружённую борьбу своего отца с Россией.

Разгром же в 1854–1855 годах русскими войсками турецкой армии под Карсом и в Мингрелии окончательно рассеял надежды Шамиля на помощь извне. Большим ударом для антироссийской коалиции стало, в частности, взятие под командованием главнокомандующего Кавказским корпусом генерала Н.Н. Муравьева крепости Карс (16 ноября 1855 года)¹⁵⁸. Разбит был в Мингрелии и корпус Омер-паши, что фактически определяло полное поражение Турции на Кавказском театре военных действий. Это во многом предопределило и исход Крымской войны. Но ещё более важным было то, что оно предрешило исход Кавказской войны. По словам самого Шамиля, «уже тогда я понял, что оказался в ловушке, поэтому лихорадочно искал малейшую лазейку, через которую мог бы выйти на свободу».

Когда же Шамиль узнал, что Турция с Россией подписали договор о мире, он написал письмо французскому послу в Стамбуле: «Мы находимся на исходе наших сил. У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля, столь превосходящего нас численностью и снабжением»¹⁵⁹. Таким образом, с окончанием Крымской войны были обречены и сам имамат, и в целом движение горцев против России.

¹⁵⁷ Его полковым командиром был Н.Н. Муравьев, ставший в последующем ...

¹⁵⁸ За взятие крепости Н.Н. Муравьеву был присвоен титул графа Карского. С тех пор он известен в истории как Н.Н. Муравьев-Карский. – *Примеч. авт.*

¹⁵⁹ Ризванов Р. Дело имама Шамиля. С. 220.

Для последующей политики России кавказское направление, где решались её важнейшие геополитические цели, являлось стратегически важным. Достигнуть их, имея перед собой «неусмирённый Кавказ», было невозможно. Важной в этом плане была и установка на достижение именно военной победы. Для высшего руководства России, потерпевшей поражение в Крымской войне, эта победа была необходима в качестве значимого морального фактора.

«Замирить» Кавказ предстояло назначенному на должность главнокомандующего Кавказской армией¹⁶⁰ генералу А.И. Барятинскому. Имя князя Александра Барятинского было широко известно среди горцев и произносилось с большим уважением. Князь действовал как дальновидный и опытный дипломат, ничем не оскорбляя национальные чувства горцев и не раз подавая примеры полного доверия к людям честным и дельным.

Предложенный им план действий на Кавказе был рассчитан на быстроту и натиск, но помимо активных военных действий А.И. Барятинский с большим успехом применял и другую тактику – тактику привлечения на сторону России населения региона.

К тому времени власть Шамиля переживала кризис. Многим горцам не нравились порядки, заводимые Шамилем, произвол его кадий (судей) и наибов (военных губернаторов), вводимые имамом непривычные налоги «на борьбу с неверными». Некоторые главы кавказских общин испытывали всё больше желания «замириться» с российской администрацией на условиях сохранения своего традиционного положения. Шамилю становилось всё труднее контролировать своих соратников.

Поэтому, когда с 1857 года начался решительный массированный натиск русских войск, имамат стал рассыпаться. Аулы выражали покорность, а наибы переходили на сторону победителя. Мужество, военные таланты, харизма Шамиля и наработанный им авторитет могли лишь продлить эту агонию.

К концу лета 1858 года Большая и Малая Чечня были заняты русскими, и Шамиль вынужден был отойти в Дагестан.

¹⁶⁰ 6 декабря 1857 года Отдельный Кавказский корпус был переформирован в Кавказскую армию. – *Примеч. авт.*

Теснимый всё больше и больше, Шамиль отходил к горе Гуниб, которая считалась ещё более грозной и неприступной, чем Ахульго. Понимая своё положение, Шамиль незадолго до этого поручил своему младшему сыну Магомед-Шапи укрепить её, и вот теперь, в начале августа 1859 года, он вместе с 400 защитниками, которые составили это число вместе с жителями аула Гуниб, и ещё с четырьмя пушками готовился держать оборону.

Шамиль возлагал на эту гору большие надежды, считая, что взять её будет непросто и что у них есть шанс продержаться на ней не один месяц. Когда к горе было стянуто более 10 батальонов, прибывший к подножию горы генерал А.И. Барятинский предложил Шамилю сложить оружие и заключить мир. Тот ответил: «Гуниб – высокая гора, я стою на ней. Надо мною, ещё выше, Бог. Русские стоят внизу. Пусть штурмуют»¹⁶¹.

*Штурм аула Гуниб 25 августа 1859 года.
Художник Т. Горшельт*

¹⁶¹ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Военно-походная типография Главного Штаба Кавказской армии, 1860. С. 129.

А.И. Барятинский прилагал все возможные усилия, постоянно шёл на переговоры, лишь бы избежать кровопролития, но Шамиль упорствовал. Ответив на очередное предложение князя лаконичным «Сабля наточена и рука готова!»¹⁶², Шамиль тем самым дал сигнал к началу штурма.

Штурм показал Шамилю, что его положение безнадежно. Барятинскому ничего не мешало уничтожить горцев, но русские дали имаму ещё четверть часа на размышление¹⁶³.

Осознав, что сопротивление бесполезно, имам произнёс слова: «Как мёд может приобретать горький привкус, так и война может стать бессмысленной»¹⁶⁴.

***Имам Шамиль перед главнокомандующим князем
А.И. Барятинским, 25 августа 1859 года.
Художник А. Кившенко***

¹⁶² Казиев Ш.М. Имам Шамиль. URL: <https://litlife.club/books/60018/read?page=76&ysclid=m8lji2syol814634003>

¹⁶³ Кумова И. Князь Барятинский и имам Шамиль уроки прошлого для будущего // Армейский сборник. 2021. № 9. С. 155.

¹⁶⁴ Там же.

25 августа 1859 года в полдень имам Шамиль при полном вооружении, в сопровождении приставленного к нему переводчика Алибека Пензулаева, прибыл в лагерь русских войск на горе Кегер – как личный гость главнокомандующего Кавказской армией князя А.И. Барятинского. Лицо его было непроницаемым, он крепко держался за кинжал, который, впрочем, никто не собирався у него забирать. По свидетельству очевидцев, русские войска, завидев его, сначала замерли в оцепенении, а потом окрестности огласились их громким «Ура!»¹⁶⁵.

Встреча Шамиля с князем Барятинским произошла у ставшего уже знаменитым камня, который лежал в березовой роще неподалеку от аула.

Тёплый, дружелюбный приём, искреннее внимание и уважение, проявляемые к нему, явились для Шамиля полной неожиданностью. На первых порах он даже растерялся, а потом сдержанно, с достоинством обратился к Барятинскому со словами: «Я тридцать лет дрался за религию, но теперь народы изменили мне, а наибы разбежались, да и сам я утомился; я стар, мне шестьдесят три года... Поздравляю Вас с владычеством над Дагестаном и от души желаю Государю успеха в управлении горцами, для блага их»¹⁶⁶. В этих словах Шамиля была очевидна оценка им итогов своего многолетнего вооружённого противостояния России.

Так завершилось господство на Кавказе имама Шамиля. 26 августа 1859 года генерал А.И. Барятинский имел возможность издать свой знаменитый приказ по войскам: «Гуниб взят. Шамиль в плену. Поздравляю кавказскую армию!»¹⁶⁷.

Прекращение Шамилем вооружённого сопротивления привело к тому, что значительная часть горцев Кавказа выразила готовность подчиниться Российской империи. Многолетнее противостояние подорвало социальную, политическую и материальную основу вооружённых движений горцев, направленных против России.

¹⁶⁵ Романов В. Его имя – Шамиль: как один человек стал символом Кавказской войны. URL <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/517/>

¹⁶⁶ Степанов С. Имам Шамиль // Родина. 1994. № 3–4. С. 43.

¹⁶⁷ Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 132.

Карта основных событий Кавказской войны

20 ноября 1859 года капитулировали также основные силы черкесов (до 2 тыс. человек) во главе с Мухамед-Эмином на Северо-Западном Кавказе. Только на Черноморском побережье оставались отдельные очаги сопротивления. В 1859–1862 годах продолжалось продвижение русских войск вглубь гор, и в 1863 году они заняли территорию между реками Белая и Пшиш, к середине апреля 1864 года – все Черноморское побережье и территорию до реки Лаба. Занятие 21 мая 1864 года русскими войсками урочища Кбаада (Красная поляна), где находилась последняя база горцев, завершило историю Кавказской войны. Хотя отдельные очаги вооружённых выступлений продолжали иметь место вплоть до конца 1884 года, на общем войсковом сборе в Сочи в этот же день (21 мая 1864 года) было объявлено об окончании войны.

Всё это стало закономерным следствием прекращения Шамилем своей антирусской деятельности. По сути, имело место действительно «замирение горцев» и прежде всего самого авторитетного и уважаемого на Кавказе военно-политического лидера – Шамиля. Имам не был повержен, он прекратил сопро-

тивление. Его почётная сдача в плен знаменовала собой новый этап в развитии отношений России с кавказскими народами.

Сам по себе феномен почётного плена, очевидно, является проявлением русской военной традиции – воздание дани уважения достойному противнику, потерпевшему поражение. Своими истоками эта традиция уходит в практику походов князя Святослава с его благородным «иду на Вы», коренным образом, отличавшейся от так называемой «рыцарской» этики с её пафосными и «наносными» атрибутами. В наибольшей степени всё это «рыцарство» нашло отражение лишь в балладах и романах, на практике же те же зверства, которые творили рыцари на завоёванных территориях, не укладываются не только в традицию воинского этикета, но и в рамки элементарной человечности.

В отличие от «европейско-рыцарской», русская традиция отношения к пленникам не являлась демонстративно-показушной. Она отражала особенности русского национального характера – его милосердия, человечности и других качеств, формировавшихся на протяжении столетий в многочисленных войнах и вооружённых конфликтах. Милосердие и уважение к своему поверженному противнику демонстрировали и Дмитрий Донской и Иван III, Петр I и Екатерина II, П.А. Румянцев, Г.А. Потёмкин и А.В. Суворов и многие другие выдающиеся российские государи, полководцы, генералы, офицеры и солдаты Русской армии.

Примечателен в этом плане поступок Петра I, пригласившего за праздничный стол после победы в Полтавской битве пленных шведских генералов и офицеров, произнеся при этом задравный тост за своих учителей – поверженных шведов. И это при том, что буквально за несколько лет до этого, после битвы при Фрауштадте (1706 год) по приказу командующего шведской армией генерала Реншильда, вопреки законам войны, около 500 русских военнопленных солдат были расстреляны и заколоты. Таким образом, «просвещённые европейцы» демонстрировали своё рыцарство и соответствующее понимание законов войны.

Благородством и милосердием по отношению к побеждённому противнику отличался и выдающийся русский полководец А.В. Суворов. По убеждению самого Александра Васильевича

«вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови». В соответствии с этим своим убеждением А.В. Суворов отдавал приказ и войскам, находившимся под его командованием: «Обывателям ни малейшей обиды, налоги и озлобления не чинить, война не на них, а на вооружённого неприятеля».

Для Суворова враг был только до тех пор, пока не сложит оружие. Победённым ... «давай пощаду, они такие же люди, – учит он в своём солдатском катехизисе, – грех напрасно убивать», «С пленными поступать человеколюбиво, – читаем мы приказ от 16 мая 1778 года, – стыдиться варварства». Как точно выбирал Суворов слова! Как сильно сказано – не избегать, а именно «стыдиться варварства», ненужных жертв, бессмысленной жесткости. Милосердие и победа – определяли всю жизненную позицию А.В. Суворова¹⁶⁸.

Благородство по отношению к прекратившему сопротивление имаму Шамилю, являвшемуся руководителем повстанческого движения, демонстрировали и главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский, и глава Российского государства – император Александр II.

По сути, речь шла о заключении мира или точнее о «замирении» самого Шамиля и почитавших его горцев. Это свидетельствовало о том значении, которое имело для России прекращение вооружённого сопротивления горцев Кавказа под руководством Шамиля.

В дальнейшем по приказанию князя А.И. Барятинского имам был направлен в Петербург, но по пути он был представлен императору Александру, находившемуся в этот период в Чугуеве недалеко от Харькова.

Поездка Шамиля к ставке императора являла собой, по сути, «триумфальное» шествие по России. Моздок... Ставрополь... Харьков. Во всех российских городах Шамиля встречали фейерверками, музыкой, спектаклями. Наконец в Чугуеве под Харьковом во время традиционного смотра Русской армии состоялась исто-

¹⁶⁸ Бочарников И.В. Александр Васильевич Суворов. Горжусь, что я русский. В кн. Исторические портреты патриотов Отечества. М.: НИЦ «Национальная безопасность», 2019. Т. 2. С. 68–69.

рическая встреча Шамиля и Александра II. По словам очевидцев, Александр II обнял имама Шамиля со словами: «Я очень рад, что ты, наконец, в России. Жалею, что это случилось не ранее. Ты раскаиваться не будешь. Я тебя устрою, и мы будем друзьями»¹⁶⁹.

В честь императора Александра II и имама Шамиля в Чугуеве состоялся военный парад – смотр конных войск, расположенных в Харькове и его окрестностях. Имам Шамиль в продолжении всего парада ехал рядом с императором, обсуждая с ним через переводчика лучшие войска государя.

Торжественное сопровождение имама в Россию, почести, которые оказывали ему как высшему духовному лицу мусульман-горцев Кавказа, воину и полководцу, подарки членам его семьи, приём и условия его проживания демонстрировали статус имама Шамиля как почётного гостя императора.

После аудиенции у императора в Чугуеве имам продолжил своё путешествие по России, к месту своего дальнейшего пребывания. Торжественно принимали имама и в других городах России по пути его следования! Его поездки сопровождалась почётными приёмами представителей высшего света.

Наконец, в конце сентября 1859 году имам и сопровождавшие его лица прибыли в Москву. Именно здесь состоялась его встреча с «проконсулом Кавказа» А.П. Ермоловым. Примечательно, что когда имама спросили, что он хотел бы посмотреть в Москве: Кремль, Оружейную палату или Большой театр, Шамиль ответил: «Сначала я должен увидеть генерала Ермолова»¹⁷⁰.

Проконсул Кавказа и имам Дагестана и Чечни встретились 23 сентября 1859 года. Это была их первая и последняя встреча. Конечно же, едва ли она носила дружеский характер. Но эта была встреча двух властителей Кавказа, находившихся по разные стороны его «хребта».

Местом пребывания Шамиля императором была определена Калуга. Иمامу выделили трехэтажный дом, принадлежавший полковнику Сухотину. Аренда дома оплачивалась из казны – 900 рублей в год. Александром II была назначена Шамилю пенсия

¹⁶⁹ Почести Шамилю. URL: <https://snbrf.ru/novosti/pochesti-shamilyu/>

¹⁷⁰ Дойников Ю.В. Ты раскаиваться не будешь // Цит и меч. 2008. № 10.

в 10 000 рублей серебром в год (затем увеличена до 15 000 рублей). И хотя за Шамилем и его семейством по месту жительства был установлен «постоянный и бдительный надзор», император подписал – «чтобы оный не был стеснительным»¹⁷¹.

Калужский период жизни имама продлился девять лет, с 1859 по 1868 год. Шамиль активно изучал русское общество, гулял по городу, посещал театр, гимназии, больницы. Он с интересом наблюдал за новшествами технического прогресса, входившими тогда в жизнь, такими как железные дороги, пароходы, телеграф; восхищался огромными каменными зданиями и храмами и т. д. К нему на приём желали попасть и гражданские, и военные лица, в том числе и те, кто воевал с ним на Кавказе. Таких людей было так много, что приставу пришлось организовать запись на приём. Дамы любили с имамом пообщаться в светских салонах. Среди них были вдовы убитых на Кавказской войне офицеров. Современники вспоминают, что одна из них сказала, что посчитала бы его очень хорошим человеком, если бы «он не убил её мужа». Шамиль ответил, что, если бы знал, что этот офицер был таким хорошим человеком, он бы ни за что не убил его¹⁷². В беседе с предводителем калужского дворянства Ф. Щукиным Шамиль однажды заявил, что безмерно благодарен за оказание столь высоких почестей – по его словам, он этого не ожидал: «После всего зла, что я вам [русским] сделал, по справедливости вы должны бы растерзать меня на части, а вы поступаете, как с другом, братом»¹⁷³.

Почести, оказанные им императором Александром II, а также другими представителями высшего военно-политического руководства страны, свидетельствовали о том уважении, которым пользовался Шамиль в России. Всё это не могло не отразиться на восприятии самого Шамиля своего положения и отношения как

¹⁷¹ В Калуге имама Шамиля опекали и тайно надзирали за ним полковник Дмитрий Богуславский, хорошо знавший Восток и владевший несколькими языками, и пристав Аполлон Руновский.

¹⁷² Калуга, ставшая Кавказом для имама Шамиля. URL: <https://vestikavkaza.ru/articles/Kaluga-stavshaya-Kavkazom-dlya-imama-SHamilya.html?ysclid=m8lfkno4o7567079810>

¹⁷³ Руновский А. Записки о Шамиле. URL: https://web.archive.org/web/20140522005227/http://www.a-u-l.narod.ru/Runovskiy-A_Zapiski_o_Shamile.html

Дом Шамиля в Калуге

к императору, так и к самой России, против которой он воевал более трёх десятилетий.

Жизнь Шамиля в Калуге была наполнена разными событиями как приятными, так и горестными. В Калуге умерла его любимая дочь Нафисат. Император велел похоронить её за счёт казны, чем в очередной раз растрогал Ша-

миля. Но эта смерть оказалось не единственной – всего за девять лет в этом городе умерли 17 человек из семьи и свиты имама.

Шамиль, по словам дагестанской писательницы М. Ибрагимовой, очень тяжело переносил смерть близких и друзей. Утраты следовали одна за другой. Он всё больше и больше уединялся, предаваясь печали, думам и молитве. Однажды он сказал А. Руновскому (пристав при Шамиле. – *Примеч. авт.*):

«Я не ропщу на судьбу, зная, что никто не пройдёт больше предначертанного. Близится конец и моего пути. Ангел смерти Азраил может прийти за душой внезапно или подбираться не спеша, предавая тело долгим мукам. И в том и в другом случае я встречу смерть спокойно, как неизбежное. Но особенно в последнее время у меня появилось желание умереть русским подданным, присягнув в верности государю и в его лице русскому народу»¹⁷⁴.

¹⁷⁴ Ибрагимова М.И. Имам Шамиль. URL <http://lib.kmv.ru/projects/litPyat/writers/ibragimova.htm>

Тогда же им было написано письмо императору. В своём письме Александру II Шамиль подчеркивал:

«Ты, Великий Государь, победил меня и кавказские народы, мне подвластные, оружием. Ты, Великий Государь, подарил мне жизнь; Ты, Великий Государь, покори мое сердце благодеяниями. Мой священный долг благодетельственного дряхлого старика и покорённого Твоею великой душой, внушать детям их обязанности перед Россией и её законными царями. Я завещал им питать вечную благодарность к Тебе, Государь, за все благодеяния, которыми Ты постоянно меня осыпаешь. Я завещал им быть верноподданными Царям России и полезными слугами новому нашему отечеству. Успокой мою старость и повели, Государь, где укажешь, принести мне и детям моим присягу на верное подданство. Я готов произнести её всенародно»¹⁷⁵.

Прошение Шамиля было доставлено в Петербург. От имени царя последовал ответ одного из соратников Александра II Военного министра Д.А. Милютин:

«Благороднейшему, превосходному ученому, величайшему, совершенному другу – Шамилю мир! Да не перестанет он быть сохраняемым телесно и душевно под взором попечения владыки всех сотворенных.

Твоё прошение о твоём похвальном поступке в принесении клятвы верности со всей твоей семьёй его величеству – величайшему престолонаследнику – уже прибыло своевременно. Однако некоторые обстоятельства задержали ответ – его императорского величества не было в Петербурге. Но этим письмом уведомляю тебя, что государь оказал благосклонность и принял твою просьбу с принятием тебя в число подданных. Губернатору Калуги уже отправлен приказ о том, чтобы он поспешил с принятием присяги от тебя.

¹⁷⁵ Цит. по: Ибрагимова М.И. Имам Шамиль.

Для выполнения всего необходимого губернатору будет послано со стороны военного управления в Петербурге соответствующее указание.

Мы всячески стремимся выразить своё сожаление по поводу утраты. Я прошу всевышнего Бога, чтобы он сохранил тебя и твою семью и содействовал вам своей помощью в выполнении твоего прекрасного намерения. С миром!

Военный министр Милютин»¹⁷⁶.

26 августа, в седьмую годовщину прекращения своего вооружённого сопротивления, в Калуге в торжественной обстановке приёмного зала при канцелярии губернатора Шамилем была принята присяга на верность императору и России. Копия присяги Шамиля была отправлена царю. В ней говорилось:

«Я обещаю обещанием веры и клянусь всевышним Аллахом устройтеlem всего! Истинно я принимаю на себя обязательство в том, что вместе со всем семейством будем вечными подданными Императору Александру Николаевичу, его наследнику и русскому государству.

Истинно я не покину русское государство, кроме как с – высочайшего разрешения его императорского величества. Я не пойду в иностранное услужение, также не буду ни другом, ни соучастником никому из врагов русского государства. Я не сделаю ничего из того, что противоречит сущности достойного верного подданного. Всё, что прикажут мне хранить в тайне в интересах государства, я буду хранить благоразумно, предотвращая сознательно любую попытку осуществления антигосударственных деяний.

Я прошу всевышнего Аллаха помочь мне телесно и душевно его помощью и добродееанием, дабы я был верен своей клятве.

Великим целованием священного Корана завершаю свою клятву. О Аллах, да будет так!

Раб божий Шамиль»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Цит. по: Ибрагимова М.И. Имам Шамиль.

¹⁷⁷ Там же.

***Присяга Шамиля на верноподданство России
26 августа 1866 года***

От Александра II вместе с множеством подарков последовало ответное письмо:

«О превосходный и совершенный имам, умудрённый опытом и познаниями! Поздравляю и благословляю тебя и твоих близких! Желая вам добра от Всевышнего бога и от людей!

Ты писал, что убедился в том, что побеждён не только силою оружия, но и силою любви к тебе. Да будет беспредельна наша любовь и щедрость к вам! Хвала Богу, произведшему в тебе великую перемену! Я уверен, что ты стал верным подданным, без лицемерия, ибо ты человек великий, честный и благородный.

Не сомневаюсь, что все вы станете наиболее благородными среди коренных русских дворян. Живи в досуге и на покое в городе, в котором почитают твою почтенную особу. Живи похвальной жизнью среди нашего народа.

Мы Император всея России Александр II»¹⁷⁸.

Присяга Шамиля имела огромное символизирующее значение. Он как бы призывал своих соотечественников последовать его примеру и завещал своим детям быть верноподданными

¹⁷⁸ Цит. по: Ибрагимов М.И. Имам Шамиль.

России и полезными слугами нового Отечества. Это, в частности, нашло отражение в одном из его посланий непосредственно к горцам Кавказа:

«Любимые мои соотечественники! Мир вам! Да хранит вас Аллах в полном здравии и благополучии!

Обращаюсь к тем, кто помнит меня и почитает как старшего брата, отца, сына. Пусть все, кто живет в горах, подумают о себе, глядя на меня. По милости Аллаха и щедрости русского народа я живу хорошо и счастлив. Теперь, когда я вспоминаю наши законы в части содержания пленных, стыжусь при сравнении. Бедный мой народ, вы вместе со мной искали покоя в войнах, переживая несчастья и горе. Оказывается, покой и счастье можно найти только в мирной земной жизни и не только здесь, но и там, в горах.

Если бы я знал, что обрету то, что обрёл здесь, давно бы ушёл от адских мук, которые терпел много лет на Кавказе. В отношениях с русскими следуйте моему примеру, ибо их деяния, если поставить на чаши весов справедливости, перетянут в сторону добра.

Все мои близкие и родные здоровы, шлют вам хорошие пожелания. Да будет всё так, как захочет Аллах. И мир.

Бедный раб Всевышнего Шамиль»¹⁷⁹.

После принятия подданства Шамиль был освобождён от приговора, а через три года после этого события был возведён в дворянское сословие.

В 1868 году, когда ему исполнился уже 71 год, император, зная о неважном состоянии здоровья горца, разрешил ему вместо Калуги жить в Киеве. В начале декабря 1868 года Шамиль со своей семьёй прибыл в этот город. Его поселили в усадьбу Мосоловой на углу улиц Александровской и Крепостной (ныне – Грушевского, 28/2, дом не сохранился). По пятницам имама Шамиля навещали кавказцы – они вместе выполняли пятничные намазы. «Город Киев, – писал Шамиль в одном из своих писем, – я на-

¹⁷⁹ Цит. по: Ибрагимов Р.Ю. Историю нельзя переписывать. URL: <https://prodji.ru/istoriyu-nelzya-perepisyvat/>

шёл одним из самых лучших городов, которые мне приходилось видеть в Российской империи, как по хорошему климату, так и по красивому гористому месторасположению, которое напоминает мне родину, где я родился и вырос»¹⁸⁰.

В 1870 году имам Шамиль отправился с семьей в хадж – в Мекку и Медину. В Медине он и оставался до 1871 года, где заболел и умер.

Таким образом, завершился жизненный путь выдающегося военного вождя и государственного деятеля, фактического правителя Кавказа, явившегося олицетворением мужества, стойкости и преданности своему народу и своим идеалам.

На протяжении десятилетий он возглавлял антироссийское вооружённое сопротивление, и он же фактически его прекратил. В последующем своим авторитетом и личным примером он завещал горцам Кавказа быть вместе с Россией, быть в России и отстаивать вместе с другими народами её безопасность и национальные интересы.

Эти заветы Шамиля, наиболее отчётливо проявились в годы войн, вооружённых конфликтов и других социально-политических катаклизмов, сотрясавших устои российской государственности. Так, в частности, чудеса героизма, самоотверженности и преданности России в годы Первой мировой войны демонстрировали воины Кавказской туземной конной дивизии, за которой в военном обиходе прочно закрепилось и другое, более короткое и звучное название – дикая дивизия. Мужество и героизм всадников дивизии служат замечательным фактом их верности долгу, ярким примером межнационального и межрелигиозного согласия. Воины Кавказа до последнего сражались за Россию, сражались даже тогда, когда было уже очевидно, что фронт разваливается, а многие другие воинские части и соединения Русской армии, поражённые революционной пропагандой, оставляли свои боевые позиции.

Патриотизм и героизм демонстрировали воины Кавказа и в годы Великой Отечественной войны. На фронтах той Великой

¹⁸⁰ Маркелов Н.В. Владыка гор. URL: <http://lermontov-lit.ru/lermontov/kritika/markelov-vladyka-gor.htm>

войны вместе с кавказскими горцами воевало уже и имя имама Шамиля. Так, в честь имама Шамиля была названа танковая колонна, сформированная в 1942 году на средства жителей Дагестанской АССР. Деньги на строительство этой колонны активно собирали и мусульманские религиозные деятели, например муфтий Г.З. Расулев перечислил 50 тыс. руб. Всего было собрано 10 млн рублей. В январе 1943 года И.В. Сталин через газету «Дагестанская правда» поблагодарил жителей Дагестана за эту инициативу. С конца 1943 года танковая колонна «Шамиль» действовала в составе 1-й гвардейской танковой армии Красной армии.

С именем Шамиля отражали нашествие бандформирований дагестанские ополченцы и в августе 1999 года. В условиях же современной специальной военной операции против реанимированного европейского нацизма заветы Шамиля по-прежнему являются действенным фактором служения воинов-кавказцев нашему Отечеству.

Бочарников Игорь Валентинович